

Музейон

А.В. Янковская

Мемориальный дом-музей А.А. Ухтомского

*Вехи духовной биографии
ученого и мыслителя*

Вера есть динамическое, по преимуществу деятельное состояние, постоянно растущее и растящее самого человека. Вера приводит к настоящей любви, а любовь больше всего. <...> Выдумали, что история есть пассивный и совершенно податливый объект для безответственных перестраиваний на наш вкус. А оказалось, что она – огненная реальность, продолжающая жить своей совершенно самобытной законностью и требующая нас к себе на суд!

А.А. Ухтомский. Из записных книжек

Выдающийся русский мыслитель и ученый-энциклопедист, академик Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) – из той редкой породы людей, которых проникновенно именуют светочами. Физиология и психология, философия и этика, педагогика, социология, религиоведение – вот неполный перечень областей человеческой мысли, в которых Ухтомский оставил зримый след, и все они соединяются в одно ведущее направление его жизненных и научных исканий, имя которому – Человек и его судьба. Любовью к человеку пронизано все его творчество, вся его жизнь.

Портрет князя А.Н. Ухтомского в детстве. 1849

Сам академик происхождения был княжеского, от Рюриковичей. Его именитый сородич Эспер Эсперович Ухтомский, известный востоковед, этнограф и путешественник, а также камер-юнкер Высочайшего Двора, участливо предлагал ввести Алексея в высший свет, однако тот от протекции уклонился, ему была органически чужда всякая, а тем более великосветская суета.

Дом в Рыбинске Ярославской губернии, на Выгонной улице, ставший впоследствии Мемориальным домом-музеем, был унаследован Ухтомским от княгини Анны Николаевны, старшей сестры отца. «Лишь сюда возвращаясь, я прихожу в себя, во внутреннего своего человека, – признавался друзьям Ухтомский. – И начинаю с миром на душе отдавать себе отчет в том, чем живу, в чем изменяюсь, что ценно и что обманчиво – в чем правда и в чем ошибка»¹.

«На волжских берегах Бог привел духовно родиться...»

Письма и дневниковые записи ученого помогли воссоздать интерьер гостиной во втором зале дома-музея: «Диван, стоящий в простенке между двух окон, и овальный столик...»² На сте-

¹ Бикташева Н.Н. Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского. Рыбинск, 1990. С. 4.

² Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 493–494.

Гостиная дома-музея А.А. Ухтомского ▶

нах – два портрета из родовой усадьбы «Вослома»: портрет отца Ухтомского, князя Алексея Николаевича, в семилетнем возрасте и портрет его дяди, Николая Михайловича Наумова. Там, в сельце Вослома Арфинской волости Рыбинского уезда, в усадебном доме Ухтомских, 13 июня 1875 года родился будущий великий русский ученый.

Нельзя не упомянуть о решающем семейном обстоятельстве, которое окрасило в особые тона детство и юность Ухтомского: мальчика выделили из родительской семьи при здравствующих отце и матери, препоручив его воспитание «тете Анне». В 1876 году именно сюда, в этот дом, привезла она годовалого Алешу и, будучи одинокой, полностью посвятила себя воспитанию племянника. «Оборачиваясь назад, видишь себя еще маленьким мальчуганом,

в нашем рыбинском доме, с тетей Анной, – вспоминал Алексей Алексеевич. – Сидим мы, подобрывши ноги на диване с маленькой книжкой в руках, по которой я учился читать под руководством тети»³.

«Там же Бог привел и духовно родиться», – добавлял ученый. Старинный Рыбинск, где провел детство Алексей Алексеевич, сохранил корни допетровской, старообрядческой культуры: «Вся ок-

руга, в которой я родился в Ярославском Заволжье, заселена крестьянами почти исключительно Филиппова согласия⁴. Их строгий дух влиял и на нашу семью. Я в значительной мере воспитан преданиями этого замкнутого и в то же время коренного русского крестьянина»⁵.

Первые уроки духовности принял Алексей от любимой своей тети Анны. Она же ввела мальчика

³ Бикташева Н.Н. Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского С. 6.

⁴ Филиппово согласие – старообрядческое согласие в беспоповщине, возникло в начале XVIII века. Во главе с наставником Филиппом отошло от поморцев. Из-за репрессий правительства стали применять самосожжение как средство «соблюдения веры». Во второй половине XVIII века фанатизм ослабел. Из филипповского толка выделились аароновщина и пастухово согласие. – Прим. ред.

⁵ Ухтомский А.А. Письмо к В.А. Платоновой от 1927 года // Архив РАН. Ф. 749, оп. 1, ед. хр. 142.

Платонова Варвара Александровна – близкий друг А.А. Ухтомского. Они познакомились в октябре 1905 года и переписывались продолжительный период времени – с 1906 по 1942 год.

в мир святоотеческой культуры. Анна Николаевна была человеком удивительно щедрым, открытым и готовым в любую минуту прийти на помощь. «Моя покойная тетя, – писал в 1927 году Ухтомский, – простая и скромная старушка, своим примером наглядно дала мне видеть с детства, как обогащается и одухотворяется жизнь, если душа открыта всякому человеческому лицу, которое встречается на пути»⁶. Жития святых, древние благочестивые книги были его первым чтением. Таинство молитвы, эстетика церковного песнопения творили восприимчивую и чуткую душу. С детства воспитывал мальчика тихий, полузабытый мир верхневолжской старозаконной России с ее нетронутой

природой и цельным складом человеческой натуры. Подобные характеры Ухтомский впоследствии безошибочно узнавал всюду – и в Москве, и в Петербурге, и в забытом российском уголке, встреченном на пути. А тетя Анна до самой своей кончины в июне 1898 года оставалась для Алексея не только «единственным в мире родным человеком», но «главным воспитательницей и спутницей», непрекаемым примером духовного устроения.

Привязанность Ухтомского к местам детства была удивительной: «...бывать на родных местах мыслью и зрением» стало для него глубокой и неизбывной потребностью души. Находясь на отдыхе в Рыбинске в 1915 году, он пишет знакомым в Петербург: «Да, ничего, видимо, не может мне заменить здешних мест, здешнего моего угла; у меня есть какая-то “ревность патриотизма” в отношении родных мест, нашего серого пейзажа, наших здешних красок Волги, полей и лесов, да, кроме того, какая-то органическая привязанность к родному дедовскому углу»⁷. С этой землей связаны первые впечатления счастливой, поэтической поры детства и первое знакомство Алексея с природой и людьми.

Рыбинск в середине XIX века – город купцов и торговцев, крупный внутренний порт России. На Волге у Рыбинска шла перегрузка судов, в навигацию здесь собиралось до 100 тысяч человек, они нанимались на работу бурлаками, водоливами, лоцманами, крючниками. Гуляя в порту со своим дядькой, маленький князь Алеша Ухтомский наблюдал за перегрузкой товаров и, вернувшись, делал рисунки судов и людей. Позднее ученый в своих дневниках напишет: «Величественная Волга ежегодно бывает покрыта тысячами разнообразных судов, коих высокие мачты составляют прелестный вид густой рощи <...> На волжских берегах Бог привел духовно родиться, воспитаться, мыслью вдохновиться»⁸.

В мемориальной экспозиции – родовая печать в виде небольшого подсвечника, принадлежавшая

⁶ Ухтомский А.А. Письмо к В.А. Платоновой от 1927 года // Архив РАН. Ф. 749, оп. 1, ед. хр. 142.

⁷ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 37–38.

⁸ Бикташева Н.Н. Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского. С. 3.

Герб князей Ухтомских

князю Николаю Васильевичу Ухтомскому, деду ученого, а также родовое древо, нарисованное Алексеем Алексеевичем на холсте. Князья Ухтомские приняли свою фамилию от Ухтомской волости и реки Ухтолен. Основателем рода был Иван Иванович Карголомский, потомок князей Белозерских (17 колено от Рюрика, через сына Всеволода Долгорукого). От Ивана Ивановича пошли князья Андогские, Сугорские, Волбодские, Кемские и Карголомские. Как свидетельствует «Родовой сборник», составленный в конце XIX века графом Долгоруким, в роду насчитывалось 31 колено Рюриковичей – 394 человека⁹.

Могучими ветвями родовое древо Ухтомских переплетается с известными в России дворянскими фамилиями: Мусиными-Пушкиными, Михалковыми, Сабанеевыми, Голицыными, Толстыми и др. Алексей

Алексеевич был знаком со многими известными людьми – Л.Н. Толстым, Максимом Горьким, Григорием Распутиным – и, как вспоминают современники, весьма гордился древностью своего рода, показывая выписки из архивов и летописей. Интересно, что удивительный факт родства Рюриковичей с Чингисханом (по женской линии) зафиксирован, по словам академика, в летописях Тибета. Во время путешествия Эспера Ухтомского по Тибету его встречали там «с великим почетом, как потомка древнего рода, и провозили через какие-то золотые ворота, через которые простые смертные проходить не могут»¹⁰.

Продолжая семейную традицию, юный князь в 1888 году поступает в Нижегородский кадетский корпус имени графа Аракчеева. «Помню, как я обрадовался при виде пушек, которые тогда стояли перед фасадом корпуса, – вспоминал Ухтомский. – Кадеты, офицеры, учителя, барабаны, минский парк, Волга и горы, и крепость... все это навсегда врезалось в мою память»¹¹.

Родовая печать и оттиск князей Ухтомских

⁹ Историческая хроника доносит до нас имена многих представителей древнего рода, прославившихся в битвах с врагом. Это Василий Ухтомский, отличившийся при штурме Казани; Михаил Ухтомский, в Смутное время сражавшийся с поляками под Вяткой. Никита Ухтомский был комиссаром знаменитого Преображенского полка, созданного Петром I. Среди выдающихся деятелей культуры – князь Дмитрий Васильевич Ухтомский (1719–1784), известный архитектор, основатель архитектурной школы, главный архитектор Москвы в период правления императрицы Елизаветы Петровны, руководил перестройкой и реставрацией Кремля; автор колокольни в Троице-Сергиевой лавре, храма Никиты Мученика, Кузнецкого моста в Москве. Менее известна княгиня Маргарита Андреевна Ухтомская (1809–1888), писательница, автор перевода комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» на итальянский язык.

¹⁰ Ухтомский А.А. Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 467.

¹¹ Бикташева Н.Н. Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского. С. 7.

Алеша Ухтомский с тетей Анной

Кадет Алексей Ухтомский

В экспозиции – юношеские рисунки Алексея Ухтомского с сопроводительными воспоминаниями о корпусе, где, по его словам, ему был дан «первый и основательный толчок в науку». В значительной степени этому способствовал любимый педагог, преподаватель математики Иван Петрович Долбня, который знакомил юношей с широким спектром проблем естествознания. Ухтомский считал его своим «учителем мысли». Алексей был увлечен не только физикой и математикой, но и философией, психологией, этикой и литературой, читал Аристотеля, Декарта, Спинозу, Джемса, Гегеля, Ницше и Канта. Именно Долбня одним из первых поддержал одаренного юношу в его исканиях. В экспозиции музея представлена книга с дарственной надписью любимому учителю – живое свидетельство их многолетней дружбы.

«Собственная келья с математикой...»

По окончании кадетского корпуса в 1894 году Ухтомский под влиянием старшего брата Александра¹² и по совету Долбни поступает на словесное отделение Московской духовной академии – одного из крупных культурно-образовательных центров России конца XIX века. В академии в то время преподавали профессора Московского университета и среди них знаменитый историк, блестящий и остроумный оратор В.О. Ключевский. Алексей Ухтомский углубленно изучает психологию и философию, с увлечением знакомится с трудами Владимира Соловьева, которого он очень ценил как философа и поэта.

В витрине первого зала дома-музея – талантливые работы будущего магистра богословия: сочинение на тему «Значение легендарной поэзии в древнерусской литературе», доклад «О церковном пении», прочитанный Ухтомским на I Всероссийском старообрядческом съезде (позднее вошедший в собрание его сочинений), и магистерская диссертация на тему «Космологическое доказательство Бытия Божия».

«Естественная необходимость в физической стороне моей жизни и нравственный закон – нравственная необходимость – в моих отношениях с мне подобными являются для меня вместе чем-то единым, – размышляет молодой Ухтомский. – Однако не есть ли это лишь случайный результат влияний исторических воззрений и обстоятельств? Если удастся из естественной необходимости вывести нравственную – это будет важным элементом в так называемом “космологическом доказательстве Бытия Божия”»¹³.

В Духовную академию Алексей пришел «уже искусственным, уже вкусившим прелести мысли» и, обозначая свои цели, записывал в дневнике в 1897 году: «...мое истинное место – монастырь. Но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью – с математикой, со свободой духа и миром. Я думаю, что тут-то и есть истинное место для меня»¹⁴.

Он понимал свои цели широко, приступив к изучению «анатомии человеческого духа до религии включительно» и выясняя «возможности религиозного опыта» в плане психологическом,

Рисунок Алексея Ухтомского

поскольку уже тогда считал это первостепенной научной задачей. Жил Алексей Алексеевич не в общежитии, а на квартире, уют в которой обеспечивала Надежда Ивановна Бобровская (она была рядом с ним в качестве помощницы-домоправительницы вплоть до мая 1941 года). Будучи молодым слушателем Духовной академии, Ухтомский полтора месяца наблюдает поведение хронически больных в ярославской психиатрической лечебнице.

В самой ранней из сохранившихся работ Ухтомского со всею очевидностью обнаруживаются философские и психофизиологические проблемы, которыми он будет заниматься всю жизнь: «элементы душевной жизни» – «чувствознание» и «ощущение», «воля», «знание» и «самопознание»; поиски объединяющей и твердой «объективной истины»...¹⁵ Помня о стратегических целях, он испытывал сомнения относительно «так называемого выбора карьеры». Старший брат усиленно побуждал его следовать собственному монашескому примеру либо избрать духовно-учебное служение. Ухтомский трезво перепроверял себя. «Мое поступление на духовно-учебную службу было бы понятно мне тогда, – записывает он в дневнике, – если бы я имел что-либо внести туда новое и лучшее». И добавлял: «У меня есть причины не идти в монахи, и очень веские... Я не считаю себя в силах – идти в священники; да к этому я никогда не чувствовал никакой склонности»¹⁶.

И все же после смерти любимой тети Анны Николаевны Ухтомский провел полгода в Иосифо-Волоколамском монастыре, наблю-

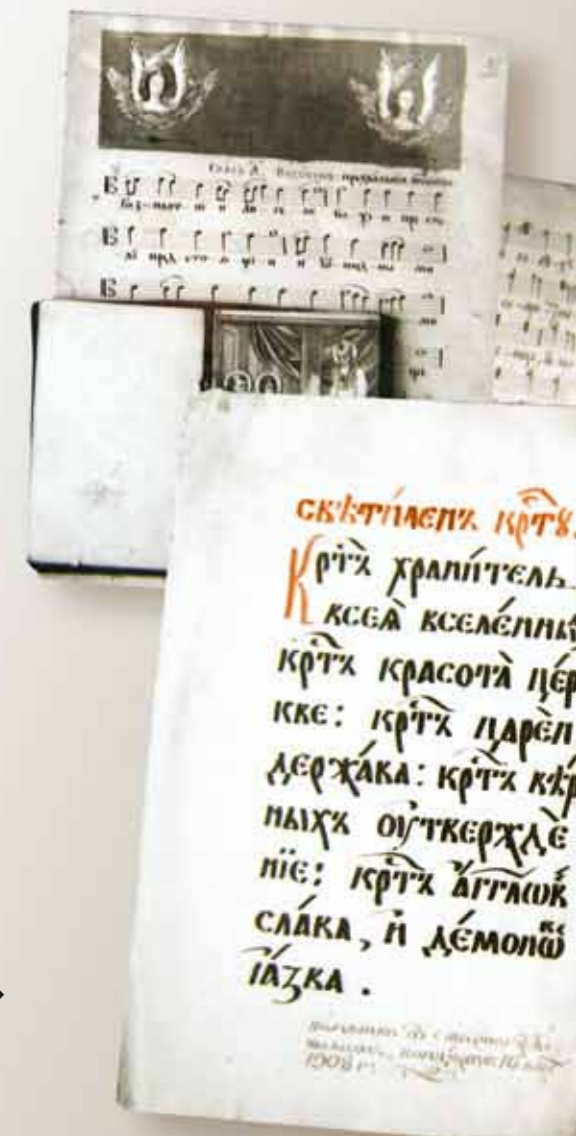
¹² Ухтомский Александр Алексеевич (в монашестве – Андрей; 1872/1873–1937) – [архи]епископ Уфимский и Мензелинский, миссионер; один из основателей катакомбного движения истинно православных христиан в России. Участник Поместного собора 1917–1918 годов, активно участвовал в совещаниях по воссоединению со старообрядцами. Резко выступал против обновленческого движения. Неоднократно подвергался репрессиям. Расстрелян 4 сентября 1937 года. Канонизирован Русской православной церковью за рубежом в 1981 году.

¹³ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 320.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Соколова Л.В., Цурикова Г.М. [Пред.] // Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С. 5.

¹⁶ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 323.

Певческие книги Алексея Ухтомского

А.А. Ухтомский пишет икону

дая быт его насельников и постепенно утверждаясь в мысли, что монашеский постриг – не его предназначение. «Дух веками создававшегося монастырского безделья подавляет меня, – признавался Ухтомский. – Чувствую себя вышибленным из моей милой научной колен»¹⁷.

Он пристально, порой критически оценивает понятие религиозной веры. «Типичное явление у “религиозных” людей – присвоение Бога, монополия на него, признание его собственно своим, а “не твоим”, некоторая презрительность к “твоему” Богу, – отмечает он. – “Что это за образа?” – спрашивает фанатически в своей молельне монах – несколько презрительно, хотя и снисходительно указывая на положенные безутешным сыном на грудь скончавшейся матери кресты и иконы... Кажется, что это факт, имеющий обширное значение в людской жизни; его можно назвать “религиозным эгоизмом”, и это очень грубая форма эгоизма вообще»¹⁸.

Будущий ученый убежден, что основная задача его жизни – научная работа и «выяснение научного мирозерцания с точки зрения христианства». В его записных книжках за 1899 год есть характерное рассуждение: «Я с детства знаю молитву, люблю ее. Мне хочется оправдать ее другим. Ее отрицают и, когда отрицают, часто ссылаются как на

основание на науку; будто бы молитва не согласна с самим духом, каким живет наука. Науку нельзя не любить, нельзя не любить начала, какими живет чистая наука <...> На фоне бесконечного Ничто во мне борются великие традиции, данные мне прошлой жизнью человечества, и я их должен примирить»¹⁹.

С юных лет Ухтомский охотно и с увлечением рисовал. В кадетских записных книжках встречаются замечательно выполненные изображения фрегатов, зарисовки Нижегородского кремля и портреты товарищей. Позже Алексей Алексеевич стал писать иконы, делать копии картин. В доме-музее сохранились икона «Св. Алексей – человек Божий» и портрет Христа, написанные Ухтомским. Они не только свидетельствуют о многогранности его лично-

сти и безусловном таланте, но и возвращают нас ко времени поиска им верной жизненной дороги. Друзья старались поддержать увлечение Алексея рисованием и иконописью. В.А. Платонова, видя небрежение к «художеству», сердито выговаривала ему в письме 1913 года: «Алексеюшка, когда Вы сказали, что иконопись “все-таки не моя истинная жизнь”, меня взяло такое зло за ваше непонимание Вашей работы. Не истинная жизнь! Господи, какой Вы уж при всем Вашем уме бываете глупый... Вы пишете, что рады тому, что я сочувствую Вашему художеству, что подбадриваю Вас; да ведь художество Ваше что? Молитва ваша, дыхание духа, дарованного Вам и Вами возвращенного Богу...»²⁰

В мучительные, одинокие тридцатые годы Ухтомский вновь остро ощущает глубокую душевную потребность в непрерывном общении с Высшим. Он размышляет о творчестве и молитве как путях, ведущих к постижению богатства жизни и бытия во всей его полноте, «во всем их трогательном и берущем за сердце значении». Искусство, по мнению Ухтомского, – тончайший показатель того, чем живут люди и человеческие общества. Однако тайны нашего разума и духовной жизни становятся доступными «лишь там, где не утрачивается способность входить в собеседование с тем Собеседником нашим, к кото-

Икона «Св. Алексей – человек Божий» работы А.А. Ухтомского ▶

¹⁷ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 5.

¹⁸ Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 79.

¹⁹ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 332.

²⁰ Цит. по: Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 528–529.

Иконка, на престольный крест и религиозная литература, принадлежавшие А.А. Ухтомскому

рому мы закричали в первые минуты появления на свет; к которому мы плакали не раз, пока росли; к которому плакали в особенности, когда ушли от нас своею дорогою наши дорогие родные; к которому направим мы и последнее свое исповедание в нашем конце»²¹.

В годы учебы в Духовной академии у Ухтомского окончательно формируется идея выявить естественно-научные основы нравственности, изучить физиологические механизмы, с помощью которых складывается и развивается все разнообразие человеческой личности.

«Я начал работу лаборантом-хранителем...»

Вызвав бурное негодование брата, Алексей отправляется в Петербург. В 1899 году он стал вольнослушателем восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, где овладел древнееврейским языком, а в 1900 году поступает на естественное отделение физико-математического факультета. В двадцать пять лет он снова попал в студенты и через два года уже работал лаборантом на кафедре физиологии человека и животных у профессора Н.Е. Введенского.

Петербургская физиологическая школа оставила глубокий след в развитии отечественной науки. Рожденная великим И.М. Сеченовым, отцом русской физиологии, одним из первых, кто соз-

дал в России естественно-научное направление в психологии, школа нашла достойного продолжателя в лице Николая Введенского, которому суждено было стать учителем Алексея Ухтомского.

Первая научная работа студента Ухтомского «О влиянии анемии на нервно-мышечный аппарат» была выполнена в лаборатории Введенского в 1902 году и удостоена ученым советом университета премии в честь I съезда

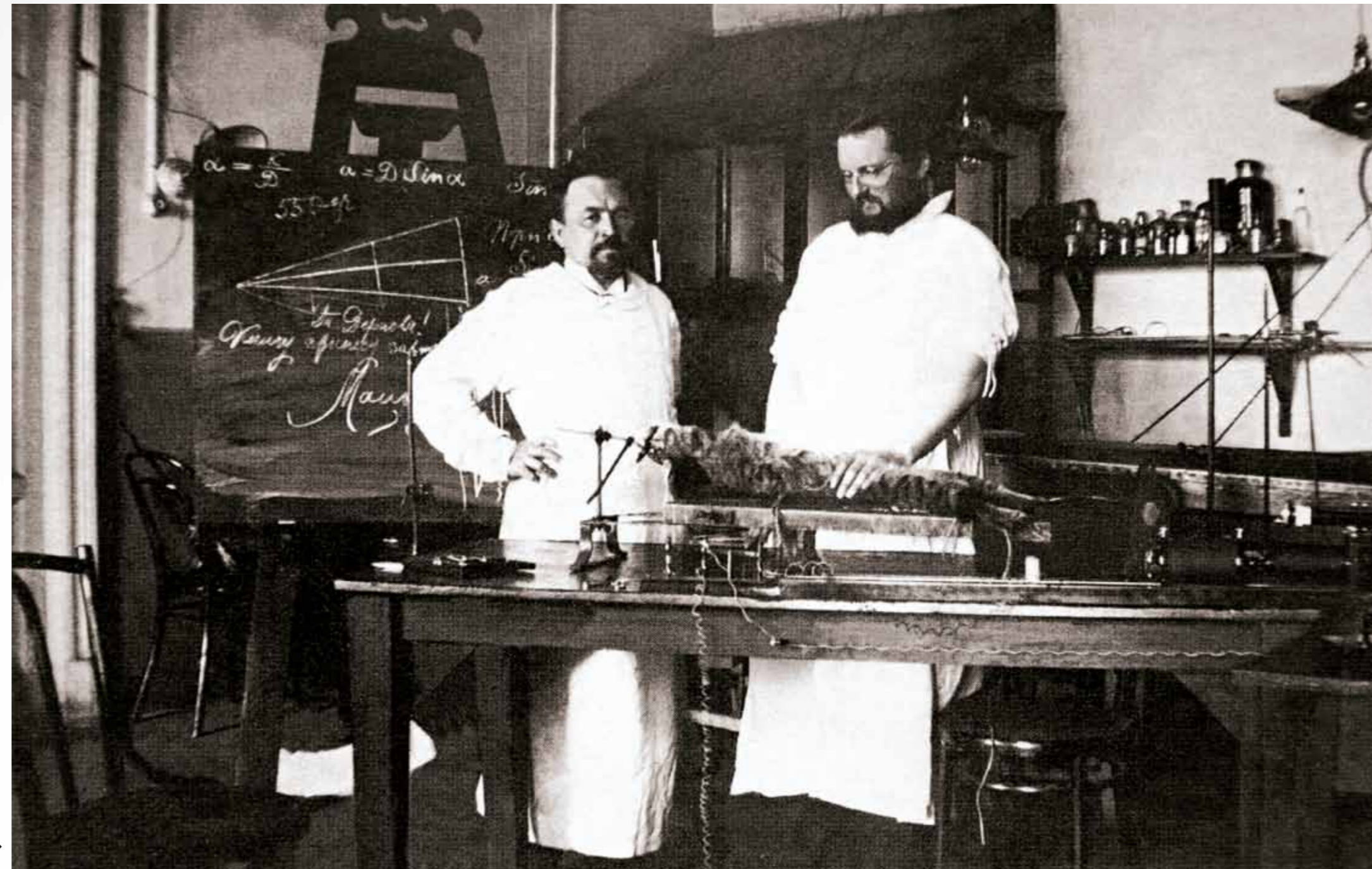
естествоиспытателей. В 1903 году она была опубликована в Бонне на немецком языке.

Университету, кафедре Ухтомский отдал срок лет жизни. Здесь студентом он опубликовал первую научную статью, а позже вел занятия, читал лекции и защитил магистерскую диссертацию. Экспериментальная работа в физиологической лаборатории под руководством Введенского окончательно определила выбор и ориентацию его научных интересов. В 1922 году, после смерти учителя, А.А. Ухтомский принимает заведование кафедрой.

Посетители дома-музея с интересом рассматривают немецкие приборы, которые использова-

ли для исследований физиолога XIX века. Лабораторные опыты проводились с помощью маятника Лукаса для точного дозирования длительности электрических импульсов и кимографа Циммермана – он помогал регистрировать на бумажной ленте различные двигательные реакции, например ритм сердца или мышечные сокращения. К этим приборам прикасались руки ученого; он работал над созданием стройной концепции поведения человека, где объединились бы положения различных наук: физиологии, психологии, этики...

В Мемориальном доме-музее хранятся и личные вещи Ухтомского: очки, чернильный прибор, бумажник, саквояж, – то небольшое, что имел он

А.А. Ухтомский (справа) в лаборатории с профессором Н.Е. Введенским

²¹ Ухтомский А.А. Письмо к В.А. Платоновой от 29 августа 1930 года // Интуиция совести. С. 166.

Дом князей Ухтомских в Рыбинске – Мемориальный дом-музей А.А. Ухтомского. 1990

Слева направо: кимограф Циммермана для записи волновых процессов и маятник Лукаса

при себе для трудов и молитвы. «Кто что любит, тем и связан», – подмечает ученый, беседуя с другом о влиянии вещей, быта и обстановки на склад поведения человека. «Если хочешь образовать в себе определенное поведение, – советует Ухтомский, – определенный строй восприятия, свяжи себя определенным бытом <...> Поведение создает быт. Быт определяет поведение: это выражение доминантного цикла»²².

В декабре 1917 года, после участия в Поместном соборе, Ухтомский уехал в Рыбинск, прожил в родном доме почти весь 1918 год, читал религиозную литературу и работал на земельном участке перед домом. В конце 1918 – начале 1919 года дом был национализирован; в 1920-м здесь был произведен обыск, часть вещей изъята. Ухтомский с охранительными бумагами от университета и Петросовета (он был избран членом VI созыва от университета) прибыл в Рыбинск. Бумаги содержали ходатайство оставить за ним две комнаты, «по размерам и характеру не являющиеся буржуазными». 30 ноября он был арестован «агентами рыбинского политбюро», по его признанию, из-за неосторожных разговоров в научном обществе и отправлен в Ярославский политический изолятор, затем в Москву, в особое отделение ВЧК на Лубянке. В заключении читал сокамерникам лекции по физиологии. В конце января 1921 года благода-

²² Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 209.

ря хлопотам друзей-ученых освобожден с сохранением за ним бывшего дома и имущества. Однако в Рыбинск Ухтомский больше не вернулся.

Он жил одиноко, затворнически, не создавая семьи, решив раз и навсегда, что «подлинное, на всю жизнь забываемое счастье» человек испытывает лишь в вершинные моменты «подъема и труда», когда он, пусть мимолетно, прозревает «то, что выше его». И, словно поощряя такую целеустремленность и аскетизм, судьба временами по-царски одаривала Ухтомского эпизодами «удавшегося человеческого общегития». Среди них, пожалуй, самый яркий – лето 1922 года, проведенное вместе со студентами и помощниками в университетской физиологической лаборатории возле Петергофа, в «прекрасной нашей Александрии».

...Тем летом Ухтомский, подводя итоги своей работы, приступил к научному обоснованию закона доминанты. Его радовало, что рядом с ним – небольшая группа учеников, объединенных общими научными интересами и взаимной любовью. Потом он долго вспоминал их трогательное содружество. В чем секрет подобной удачи, не в том ли, что в университетской Александрии члены ее бодрили, «поднимали друг друга, а потом и самих себя»; умели разглядеть в каждом наиболее ценное – «алтари», а не «задворки»? Куда чаще наблюдается обратное: человек прежде всего замечает в соседе его недостатки, а особенно – те, что чувствует за самим собой! Для чистой души и прочие люди чисты, а потому, размышлял Ухтомский, «чистая юность умеет идеализировать» и так спо-

Мемориальный кабинет А.А. Ухтомского. Реконструкция

Практические занятия ведет академик А.А. Ухтомский

собна к росту! Приземленная же старость, «если она не сопряжена с мудростью, теряет широту и щедрость духа, потребную для веры в человека и для его идеализации. И оттого она так оскудевает духом, брюзжит и уже не приветствует вновь приходящей жизни»²³. Этот фрагмент из письма к юной Иде Каплан характерен для манеры высказывания А.А. Ухтомского – мудрой и задушевно-искренней.

Он понимал, что в университете при непосредственном общении с коллегами и студентами «настоящего, откровенного и простого общения иметь нельзя. Надо все время опасаться, озираться и не высказываться». Но ученый так любил делиться мыслями со своим окружением, что забывал порой об осторожности, и ему не однажды довелось испытать тягостное лишение свободы «по политическим мотивам».

К концу 1922 года он наконец обнародовал закон доминанты, развивая идею, подсказанную нечаянным наблюдением почти два десятилетия назад. Недаром еще в молодости интересовался он психо-

логией религиозного подвижничества и задавался вопросом: откуда черпают люди решимость и силу, ступая, казалось бы, за барьер опущенных им возможностей? Почему они, забывая о страхе, в состоянии, похожем на восторг, восходят на плаху?.. Попытки найти физиологические мотивации явлениям такого рода и привели ученого к закону о доминанте. По Ухтомскому, доминанта есть «рабочий принцип» духовности, объясняющий природу человеческого сознания, идет ли речь об отдельной личности или о толпе; это единый принцип действия и механизм поведения. Пространство души, как и космическое пространство, существует согласно имманентному закону, подчиняющему себе нервную деятельность живого существа. В этом плане нет принципиальной разницы между функционированием нервных центров лягушки, кошки и человека. Доминанта, утверждает Ухтомский, «есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон, вроде закона тяготения, который, может быть, сам по себе и не интересен, но ко-

торый достаточно назойлив, чтобы было возможно с ним не считаться»²⁴.

Показательна творческая доминанта – тема, укоренившаяся в сознании ученого, писателя, художника и произвольно привлекающая материал повсюду, из самых неожиданных, даже сомнительных сфер (вспоминается ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора...»). Доминанта действует словно магнит, улавливая нужное и оставляя за скобками, в стороне все, что не относится к теме. Она дает и ученому, и художнику «маховое колесо – руководящую идею, основную гипотезу <...> избавляет мысль от толчков и пестроты и содействует сцеплению фактов в единый опыт»²⁵.

Доминанта не только устойчива, но и подвижна. Угасая, она не исчезает, а погружается в глубины сознания. Наши понятия и представления – все индивидуальное психическое содержание, каким мы располагаем, подчеркивает ученый, – есть следы пережитых нами доминант. В подсознании они подспудно перестраиваются и складываются в новые комбинации, давая «неожиданный» всплеск. Так годами вынашиваются сложные замыслы и задачи, прежде чем созреет их решение, всплывающее в нужный час.

Какую же из доминант, организующих наше сознание, выделяет Ухтомский как важнейшую?

Он называет ее *доминанта на лицо другого*. И суть понятия в том, чтобы «...уметь конкретно подойти к каждому отдельному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажечь его жизнью»²⁶, рассмотреть в другом не просто нечто равноценное себе, но и ценить другого выше собственных интересов, отвлекаясь от предвзятостей, предубеждений и теорий.

Счастье, верил Ухтомский, не в бездействии, не в уюте, не в успехе, а в способности жить, переключаясь на другие лица. «Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, – впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, – ему открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице»²⁷.

Учение о доминанте переросло рамки физиологии и стало целым направлением в русской фи-

лософской антропологии, оно также используется в психологически ориентированном литературоведении. Ученый опередил свое время, и в 30-е годы XX века, когда идеология насилия с легкостью жертвовала человеческой личностью, не нашлось места его целостному мировоззрению. Но сопротивление внешних условий не могло остановить того, кто хотел слышать другого, кто находил в себе душевные силы идти навстречу «обиженному и оскорбленному». А понятие другого – значит избежать одиночества. Вот он, жертвенный путь, хорошо известный по классической русской литературе, в которой Ухтомский постоянно черпал подтверждение своим научным гипотезам.

Для старца Зосимы «доминанта на лицо другого» была итогом «постоянного напряжения и труда целой жизни изо дня в день». Усредненный интеллигент, ценящий более всего комфорт самодовольства, по мнению Ухтомского, не решится стать на эту дорогу. Способность с открытым сердцем принять мир другого лица, присущая «людям простым и бедным», сплошь и рядом «замкнута о семи печатях для чересчур мудрствующих людей».

Увы, Ухтомский и себя причислял к таким чрезмерно мудрствующим людям... Немалые усилия положил он на то, чтобы воспитать в себе столь необходимую для душевного равновесия «доминанту на лицо другого».

Российский Диоген

*В чем мы, русские, нуждаемся?
В осознании того, что уже налично,
что живет в нашей душе.*

Н.К. Рерих

В 1950–1960 годы вышло в свет собрание сочинений А.А. Ухтомского в шести томах²⁸, и стало доступным для изучения богатейшее творческое наследие ученого, которое содержит, помимо трудов по физиологии, материалы, касающиеся философии, богословия, истории культуры... Мир и человек в мире – вот главная тема, направлявшая его научно-философские искания. В те смутные, духовно замкнутые годы Алексей Алексеевич едва ли не в одиночку открыто свидетельствовал «о борьбе за существование в Красоте»: «...вот о чем надо говорить как об общем принципе бытия! Не о жизни

²⁴ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 8.

²⁵ Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 7.

²⁶ Там же. С. 516.

²⁷ Там же.

²⁸ Ухтомский А.А. Собр. соч. в 6 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950–1962.

²³ Ухтомский А.А. Письмо к И.И. Каплан от 12/25 ноября 1922 года // Интуиция совести. С. 212.

как таковой, а о жизни в красоте! Борьба за существование отнюдь не обобщение, а жалкая, пустая частность!» – утверждал ученый²⁹.

В нем самом, выдающемся философе и наставнике будущих ученых, «доминанта на лицо другого» стала важнейшим принципом общения с людьми, ибо «он умел открывать в собеседнике незаурядный ум, в сотруднике – недюжинные способности»³⁰.

Под влиянием Толстого и Достоевского в поисках собственного ответа на вопрос о предназначении человека на Земле Ухтомский формулирует законы Возмездия, Преступления и Наказания, Милосердия, Двойника и Заслуженного Собеседника. По мнению ученого, эти законы имеют общий нравственный стержень и должны вывести содержание и сам смысл жизни человека за привычные физиологические пределы.

Люди – вечные странники бытия, для них ничто не проходит бесследно, у них не было и никогда не будет поводов для самоуспокоения. Не умаляя значения разума, Ухтомский отдавал приоритет в познании чувству и непосредственной эмоции, возникающей в подсознании. «Интуиция, – писал он, – раньше, принципиальнее и первоосновнее, чем буква»³¹. Если чувство не затронуто, знание останется для человека мертвым грузом. Там, где нет собеседования с Бытием, сочувствия и сопереживания, нет и ответственности человека – и человечества! – перед Бытием. Ведь человек воспринимает мир «тем интуитивным аппаратом, который образуют наблюдательность, чуткость, проницательность и, прежде всего, совесть»³².

Совесть, по Ухтомскому, – это живой физиологический «аппарат цельного знания» и предвидения. И, как всякое устройство, совесть каждого может быть более или менее чуткой, исправной, надежной; может быть как здоровой, так и больной. Ибо каков человек и его жизненные идеалы, такими предстают и его «аппараты» познания – интуиция и совесть. «Сердце, интуиция и совесть – самое дальнорукое, что есть у нас, – писал Ухтомский. – Это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, во-первых, соматической наследственностью от наших предков и, во-вторых, преданием слова и быта, передававшимся из веков в века, как копящийся опыт жизни, художества и совести народа и общества, в котором мы

родились, живем и умрем... Ведь каждый из нас – только всплеск волны в великом океане, несущем воды из великого прошлого в великое будущее!»³³

О чем бы Ухтомский ни рассуждал – о научном миросозерцании с точки зрения христианства, о биологических предпосылках религиозного опыта или об истоках старообрядческой «народной веры», – на всем лежала печать его мощной и самобытной мысли. И в годы учебы, и в периоды самозабвенных занятий наукой Алексей Ухтомский отличался удивительной широтой гуманитарных интересов и своеобразием суждений по вопросам религиозной этики и истории. Он был живописцем, иконописцем, играл на скрипке, разбирался в архитектуре, владел семью языками. Алексей Алексеевич был старостой старообрядческой единоверческой церкви (ныне Музей Арктики и Антарктики) на улице Марата; обычно сам вел богослужение. Когда по всей стране началось изъятие церковных ценностей, прихожане его церкви их спрятали. Ухтомский был арестован, но вскоре его отпустили, обязав отказаться от религиозной пропаганды.

«Я хожу в церковь, стою службу преп. Сергию не потому, что имею особое настроение, “религиозное” – так говорят некоторые, но потому, что смысл жизни, по-моему, таков, что надлежит, нужно преклониться, нужно служить преп. Сергию <...> Почему же общество откололось от этого естественного смысла жизни, почему ему не понятен смысл того, что делается в церкви, простота того, что там делается, почему глаза общества закрыты в эту сторону? Это вопросы, которые следует рассмотреть психологу религиозного чувства»³⁴. Теперь нужна наука о религии, был убежден ученый, а лучше – психология религиозного опыта.

Вспоминая беседы с учителем, А.В. Казанская-Каперина³⁵ пишет: «Мы с 14–15 лет верили только в науку и презирали религию. Но религия Алексея Алексеевича была совсем не похожа на ту, которую мы знали в школе и дома. И наше недоумение и удивление скоро стали сменяться любопытством, а потом и благоговением. Его религия была сплошной поэзией и наполнена старинными преданиями и легендами. Он знал много древних сказаний о подвигах русских людей, прекрасно знал русскую историю, историю христианства и других религий. С увлечением он рассказывал о старообрядчестве и его главных героях, патриархе Никоне, протопо-

Три тома собрания сочинений (1950–1960-е гг.) и современные издания книг А.А. Ухтомского

пе Аввакуме и боярыне Морозовой, а также о самоожжениях в знак протеста против гонений на веру. Мы удивлялись его удивительной памяти, а он нам на это отвечал: “Твердо запомните, что для большой памяти нужна только большая любовь”»³⁶.

Живым, непосредственным чувством наполнены его рассказы об отцах церкви Григории Синаите, Симеоне и Максиме Исповеднике. Алексей Алексеевич был убежден: для понимания сих великих психологов нужна «не абстрактная мысль, а что-то внутри – теплое сердце. Сердце же теплеет только во время молитвы и от молитвы <...> Совершенная молитва, по отцам, это как бы внутренняя мысль в сердце... Но эта внутренняя молитва есть идеал <...> По мысли отцов, молитва есть наука, трудная наука <...> а путь Божий есть ежедневный крест»³⁷.

В 1919 году Ухтомский поддержал открытие рабочего факультета при Петроградском университете. После лекции к нему подошел рабфаковец и, волнуясь, произнес: «Живите еще долго! Ваша жизнь много даст людям, про Вас будут помнить еще наши дети! Вы будете жить и тогда, когда Вас не будет...»³⁸ Искренность этих слов до глубины души растрогала Алексея Алексеевича. Когда в университете появилась новая специальность

«физиология труда», Ухтомский тут же включился в ее организацию, размещая лаборатории прямо на рабочих местах, на предприятиях города на Неве.

Позже, в 1932 году, по его инициативе был открыт Физиологический научно-исследовательский институт, которому в 1944 году было присвоено имя выдающегося ученого. На следующий год Алексей Алексеевич был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, войдя в ее академический состав в 1935 году. Он был замечательным оратором и в августе 1935 года на XV международном конгрессе физиологов прочел доклад на французском языке, завершив его призывом к ученому сообществу «напрячь все силы, дабы оградить народы от бедствий и стать залогом международного мира!»³⁹

Преподавание в университете морально поддерживало Алексея Алексеевича, давая силы для продолжения научной работы. Не имея семьи, Алексей Алексеевич относился к студентам как к своим детям, и многие видели в нем духовного отца. Один из учеников вспоминал, как «победительно выглядел любимый профессор, шагая по коридору главного здания университета, – высокий, широкоплечий, импозантный, с большой седой бородой и откинутыми назад черными волосами <...>

²⁹ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 393.

³⁰ Айрапетьянц Э.Ш. Воспоминания // Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 506.

³¹ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 15.

³² Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 10.

³³ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 15–16.

³⁴ Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 52.

³⁵ Казанская (Каперина) Анна Владимировна (1901–?) – студентка А.А. Ухтомского, в начале 1920-х годов училась на биологическом факультете Петроградского университета.

³⁶ Цит. по: Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 463–464.

³⁷ Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 474–475.

³⁸ Пути в незнание. Сб. 10. М., 1973. С. 373.

³⁹ Бикташева Н.Н. Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского. С. 13.

шел по светлому коридору четким шагом, громко стуча каблуками сапог, – с поднятой головой <...> шел, как на праздник, с улыбкой отвечая на приветствия, – читать лекцию.

Для студентов разных поколений он был неизменно – Учитель! Он внушал, влиял, настаивал, осуждал, поощрял, утешал так, как это может делать уважающий, заботливый, любящий тебя и равный тебе, но лишь старший по возрасту, по опыту, по знаниям». Поразительным педагогическим мастерством обладал этот человек, он неудержимо привлекал самой манерой общения, учил деликатно, незаметно, без напора, но открыто, серьезно, убежденно. Он очаровывал всех, признавались его сотрудники, «какую-то роль при этом играли глаза, столь выразительные, ласковые, добрые, они всегда были устремлены на собеседника, и собеседник невольно открыто, с полным доверием смотрел ему в лицо...»⁴⁰

Правда, иногда любимый профессор выглядел чужаковато: в университетской аудитории носил одеяние наподобие толстовки. Досужие студенты болтали, что под суконной рубахой он прячет... вериги. Порою ходил в высоких сапогах, а зимой –

в тулупе, совсем по-мужицки. Рассказывали, что однажды сторож не пропустил его на Московский учебный конгресс, объясняя, что туда-де приглашены господа для научной беседы. Но разве могло это смутить академика и магистра зоологии!.. «Я счастлив, что у меня был достаточный слух и чутье к людям <...> в каждом из нас есть скрытый цветок, который готов распусться, как предвестник того прекрасного, всем нам общего, которое должно быть впереди, чтобы объединить нас всех...»⁴¹ – писал ученый В.А. Платоновой.

На любви к человеку, как к самому дорогому и ценному на земле, взросло и его учение о нравственности. Опираясь на анализ психофизиологических механизмов поведения, Ухтомский размышлял: «Избыток радости рождает любовь, подлинная любовь в свою очередь окрыляет радость и вместе расширяет зрение, чтобы видеть и чувствовать, чем живы люди и что в них делается; но это ведет к боленюю за других, которое впоследствии обещает новый дар – умение радоваться за других, жить радостью других, забыв свой эгоцентризм. Тогда умение чувствовать других и жить для друзей будет все расширяться...»⁴²

⁴⁰ Цит. по: Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 526.

⁴¹ Ухтомский А.А. Письмо к А.А. Платоновой от 21 апреля 1927 года // Интуиция совести. С. 262.

⁴² Ухтомский А.А. Письмо к Е.И. Бронштейн-Шур от 28 июня 1928 года // Интуиция совести. С. 285.

Бронштейн-Шур Елена Исааковна – ученица А.А. Ухтомского в 1926–1928 годах, кандидат биологических наук.

С нобелевским лауреатом Арчибалдом Хиллом

...Эвакуировав большую часть своих сотрудников, Алексей Алексеевич остался в блокадном Ленинграде. С первых месяцев войны он приступил к исследованиям по травматическому шоку. Страдая от неизлечимой болезни, не прекращал научных занятий, читал лекции в университете, выступал на митингах. В последнем письме от 22 июля 1942 года, сознавая, что дни его сочтены, он простился с В.А. Платоновой: «Возраст мой для нашей семьи большой, и немощи мои в порядке вещей. Жаль, что они совпали со столь трудными, жестокими для отечества и народа днями! Так нужны сейчас силы!.. Всего, всего, всего Вам доброго, прежде всего – дальнего зрения, которое не давало бы ближайшим и близоруким впечатлениям застилать глаза»⁴³. Сам он «дальнего зрения» не утрачивал никогда.

Готовясь к очередным Павловским чтениям, Ухтомский пишет доклад «Система рефлекторов в восходящем ряду», в котором намечает пути совместных научных поисков двух отечественных школ. Но сделать доклад ему не пришлось: 31 августа 1942 года Алексей Алексеевич Ухтомский скончался в своей квартире на 16-й линии Васильевского острова.

Похоронен он на Литераторских мостках Волкова кладбища. Гранитный памятник академику Ухтомскому установили в 1980-е годы; его авторы – архитектор Д.А. Свирский и скульптор А.П. Тимошенко.

«Будете жить, когда Вас не будет»

Формирование фондов дома-музея началось в 50-е годы прошлого века. В историко-художественном музее Рыбинска стали появляться материалы из личного архива друзей Алексея Алексеевича Ухтомского, его родственников и многочисленных учеников. В создании музея приняли участие и сотрудники Научно-исследовательского института физиологии имени академика Ухтомского при Ленинградском университете, а профессор А.С. Батуев стал научным консультантом дома-музея. Однако еще в 80-е годы прошлого века дом Ухтомских находился в руинах. По воспоминаниям Л.Р. Варущенко, позднее секретаря комиссии по наследию, «часть оконных стекол была разбита. Проемы забиты железом. Кругом мусор. А на самом здании две доски: одна гласит, что в этом доме жил Ухтомский, а другая извещает, что дом находится под охраной государства. Меня, как говорится, “завело”!»⁴⁴

⁴³ Ухтомский А.А. Письмо к В.А. Платоновой от 22 июля 1942 года // Интуиция совести. С. 204.

⁴⁴ Романова А.В. На пути к заслуженному собеседнику: Интервью Л.В. Соколовой // Рыбинская среда. 2010. № 5 (73). С. 17.

Дом князей Ухтомских в усадьбе «Вослома». 1911

Поиски единомышленников привели Любовь Романовну в Ленинград, в институт имени Ухтомского, помогли наладить контакт с энтузиастом возрождения исторического Рыбинска Л.М. Марасиновой. Когда производственное объединение «Полиграфмаш» выделило необходимые средства, «всем миром» приступили к реставрации. Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского был открыт 20 сентября 1990 года и сразу стал одним из наиболее популярных и востребованных научно-культурных центров города.

Сотрудники дома-музея ведут живую многогранную работу над экспозиционными материалами; вместе с учеными и педагогами Ярославского края они разработали комплексную программу «Воспитание личности на основе научного и эпистолярного наследия академика А.А. Ухтомского». В 2005 году дом-музей выиграл грант президента РФ В.В. Путина, на эти средства установили памятную плиту на месте усадьбы «Вослома» под Арефино. Студенты лесного техникума озеленяют территорию дома-музея, а экспериментальный «класс Ухтомского» работает с детьми по специальной программе на основе святоотеческих традиций. Сотрудничество с Ярославским институтом развития образования помогло привлечь к наследию ученого большое число педагогов. Более 400 школ России работают по программе саморазвития личности школьника: автор этой программы, профессор Г.К. Селевко, взял за осно-

Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского. 2010

ву богатое и разностороннее наследие академика А.А. Ухтомского.

В 2009 году сотрудники музея и его бессменный директор Наталия Николаевна Бикташева за вклад в исследовательскую и научно-методическую работу по наследию А.А. Ухтомского награждены дипломом Международного института независимых педагогических исследований. А в 2010 году министр культуры России А.А. Авдеев выразил благодарность работникам музея за большой труд по сохранению, возрождению и популяризации памятников гражданского и культового зодчества России.

Научное творчество А.А. Ухтомского сегодня широко известно, но судьба его наследия во многом драматична, считает профессор Санкт-Петербургского университета Людмила Владимировна Соколова – автор двух монографий и уникального труда «А.А. Ухтомский и комплексная наука о человеке»⁴⁵: «Великий мыслитель открывает “другую дорогу”, дорогу трудную, полную сомнений и поисков, – а как хорошо было бы, с иронией говорил Алексей Алексеевич, “успокоиться на познанных истинах и пожинать на этом лавры!”»⁴⁶. Л.В. Соколова много лет активно помогает дому-музею организовать живое пространство вокруг имени и судьбы великого ученого. Прошлый год был особо памятен Н.Н. Бикташевой и ее соратникам – В.А. Озерову (учитель школы № 19) и сотруднику Центра туризма и краеведения М.В. Краюхину: все они стали лауреатами Национальной премии «Культурное наследие» в номинации «Доброхот».

Ежегодно в день рождения Алексея Алексеевича Ухтомского школа, носящая его имя, и Мемориальный дом-музей проводят научно-практические конференции и семинары. Проходят они в школе села Арефино при поддержке местной администрации. Программа «Возрождение земли Ухтомского» – это модель современного духовного и научного партнерства в деле образования и культуры. В планах дома-музея – воссоздание в родовой усадьбе князей Ухтомских интерьера XIX века и истинно мемориальной обстановки.

*...В комнате стулья с обивкой сафьяной,
Образ с лампадой в углу,
Книги на полках, камин, фортепьяно,
Мягкий ковер на полу...*

*В комнате этой и зиму, и лето
Столько цветов на окне...
Как мне знакомо и мило все это,
Как это дорого мне!..»⁴⁷*

Юные исследователи села Вослома – поколение практическое и романтическое одновременно, их мечты устремлены в будущее. Ребята верят, что уникальную территорию можно восстановить, что найдутся энтузиасты, увлеченные и бескорыстные люди, готовые вернуть в жизнь села частичку былой культуры, частичку прошлого. И еще они надеются, что это повлияет на развитие туризма в области, привлечет ученых и работников искусства, а также поможет найти работу тем, у кого ее сегодня нет.

Фрагменты из писем А.А. Ухтомского к Е.И. Бронштейн-Шур⁴⁸

...Ужасно непрочно мы живем, жизнь каждого из нас готова сорваться из того неустойчивого равновесия, которое нас поддерживает. Это, в самом деле, колебание на острие меча; и только постоянным устремлением вперед, динамикой, инерцией движения удерживаемся мы в этом временном равновесии. Тем осторожнее приходится относиться друг к другу, тем ответственнее всякое приближение к другому человеку, и тем более чувствуешь эту страшную ответственность перед лицом другого, чем более его любишь.

...Любовь сама по себе есть величайшее счастье из всех доступных человеку, но сама по себе она не наслаждение, не удовольствие, не успокоение, а величайшее из обязательств человека, мобилизующее все его мировые задачи, как существа посреди мира. Сама о себе любовь говорит: «Приближающийся ко мне приближается к огню; но тот, кто уходит от меня, не достоин жизни». Перифраз этого таков: я – огонь; приближающийся ко мне должен помнить, что может быть опален; но тот, кто, из страха быть опаленным, отдаляется от меня, утрачивает источник жизни. Это древнеалександрийский текст, когда-то меня особенно поразивший лапидарным выражением величайшей правды о том, чем мы живем и чем жив человек.

...Знаете, я с громадным страхом подхожу к музыке, особенно такой, как Бетховен, ведь тут все самое дорогое для человека и человечества. И безнаказанно приближаться к этому нельзя, – это или спасает, – если внутренний человек горит, – или убивает, если человек слушает уже только из «своего удовольствия», т.е. не сдвигаясь более со своего спокойного самоутверждения.

Искусство, ставшее только делом «удовольствия и отдыха», уже вредно, – оно свято и бесконечно только до тех пор, пока судит, жжет, заставляет гореть...

...Несмотря ни на что – радость в Красоте, ибо, еще раз, жизнь есть требования от бытия, Смысла и Красоты; только там, где это требование продолжается, продолжается жизнь; и где это требование прекращается, прекращается жизнь.

...Великие произведения искусства и гениальные научные прозрения – и в этом их исключи-

тельность! – способствуют человеческому единению. Дар провидения обязывает его обладателя к абсолютной поглощенности своими, как правило, неясными для толпы целями. Этот священный дар редок и беззащитен. У гения – Сократа или Иисуса Христа – не бывает иных аргументов в доказательство личной правоты, кроме «индивидуального поведения» – собственной жизни.

Пророка в своем отечестве побивают камнями и внимают ему не раньше, чем провозглашенные им идеи начинают сбываться.

Материал подготовлен на основе статей Н.Н. Бикташевой, И.С. Кузьмичева, А.В. Романовой, Л.В. Соколовой, Г.М. Цуриковой

⁴⁵ Соколова Л.В. А.А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПбГУ, 2009.

⁴⁶ Романова А.В. «Часто вижу Рыбинск во сне...» // Рыбинская среда. 2010. № 6 (74). С. 15.

⁴⁷ К. Р. (Константин Константинович Романов). Времена года: Избранное. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 62.

⁴⁸ См.: Из писем и записных книжек А.А. Ухтомского // Ухтомский А.А. Интуиция совести.